УДК 168.522+81'1

КОНЦЕПТОСФЕРА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

© 2021 ***А.Е. Отина***
ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

В статье осуществлено исследование различий в концептологическом подходе к изучению концептосферы национальной культуры, существующих в лингвистике и культурологии. Производится анализ важнейших концептов русской национальной культуры и языковой картины мира.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, имя вещи, языковая картина мира, соборность.

Концептология представляет собой новое и достаточно непростое научное направление, вызывающее интерес ученых, принадлежащих к различным научным пространствам, – филологов, особенно лингвистов, философов, культурологов. Большую популярность она обрела среди приверженцев смежных, или кентаврических наук, таких как лингвокультурология или культуролингвистика.

Среди работ, посвященных концептуализации слова, безусловно, следует отметить «Философию имени» П.А.Флоренского и «Философию имени» А.Ф. Лосева. В качестве последних исследований, имеющих большое значение для концептологии, нельзя не упомянуть труды Е.С. Отина по ономастике и множественности культурных смыслов, заключенных в ониме, а также работу А.Д. Шмелева, Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной о лингвистическом и культурологическом содержании концептов и о бытии концептуальных понятий в пространстве различных национальных культур.

Концептология, как в лингвистическом (особенно в лингвистическом), так и в культурологическом направлениях своего развития и движения является, с одной стороны, перспективной научной отраслью, а с другой, носит обязательный ретроспективный характер. Без лингвистической реконструкции слова и без понимания его лингвистических особенностей и границ бытия в культурном пространстве данной культурно-исторической эпохи невозможно избежать модернизаций и искажений данной конкретной картины мира.

Хрестоматийным примером этому служит обретение лексической самостоятельности, философского самостоятельного бытия, понятийного статуса и, соответственно, концептуального значения самим словом «культура». Долгое время, начиная с первой фиксации в письменной речи в работе Марка Порция Катона «De agri cultura» («О сельском хозяйстве», «cultura» в значении аграрная культура, возделывание земли, затем у Марка Туллия Цицерона (cultura anime – культура духа в «Тускуланских диспутах»), затем в средневековых словосочетаниях cultura juris (эталон поведенческой нормы), cultura sientiale (научная культура, понимание науки), cultura literarum (совершенствование письменной речи) и вплоть до эпохи Просвещения слово «культура» не употреблялось самостоятельно (вне связи с каким-либо другим, вне словосочетаний). И только тогда, когда человечество начинает осознавать свое коренное отличие от остального, несозданного им мира, от природы и находит это отличие в культуре, появляется необходимость в концептуализации слова «культура»,

которое сначала получает понятийный статус концепта во всех европейских языках в XVIII ст., а через них – в XIX в. – в русском.

Поскольку восприятие национальной культуры, картины мира национальной культуры затруднено без ее лингвистических и собственно культурных составляющих – концептов, отражающих ее ценностно-нормативное понятийное единство, то развитие концептологии сегодня закономерно актуально, действенно и созидательно.

Однако, каждая из перечисленных выше дисциплин (при их открытости к диалогу друг с другом) рассматривает концепт и концептосферу с точки зрения своего предмета.

Целью данной работы является определение пространства, в котором обитают концепты концептосферы русской национальной культуры в их лингвистическом и собственно культурном бытии. Цель конкретизируется в следующих задачах: определение предмета концептологии с точки зрения лингвистики и культурологии; исследование важнейших концептов русской культуры с акцентом на лингвистическом и культурологическом понимании.

Предметом лингвистики в области обозначенной проблемы является лексическое значение слова в своей этимологии и связанности с другими словами. Культурологическое понимание концепта, включая в себя итог лингвистического исследования, шире. Культурология исследует современное и историческое бытие понятия, а также невербальный, и вообще несловесный контекст (изобразительность, символика и т.п.). С точки зрения культурологии концептуальное значение может иметь любой знак или символ. В частности, к символу Распятия (в изображении) привязаны такие важные для православной христианской культуры словесно обозначенные концепты как жертва, любовь, страдание и сострадание.

В научной литературе существует немалое количество терминов и терминологических понятий для обозначения мировосприятия: «картина мира», «мировоззрение», «культурная память», «концептосфера».

При этом внутри первых двух соседствуют различные картины мира («религиозная картина мира», «философская картина мира», или картины мира внутри философских систем, «языковая картина мира» как общечеловеческая реальность и как воплощение бытия конкретной национальной культуры в ее рефлексии, самосознании), разные мировоззрения («мифологическое мировоззрение», «научное мировоззрение» и т.д.).

Культурная память представляет собой явление универсальное, подтверждающее смысл и значение культуры как явления общеродового, единственный и неизменный путь движения рода homo sapiens. В анализе феномена культурной памяти исследователь Т. Э. Рагозина приходит к выводу: «…Культурная память… есть философское понятие, отражающее фундаментальное свойство культуры, состоящее в способности социокультурного организма сохранять и воспроизводить свою целостность, а именно: воспроизводить себя в своей тождественности, всеобщности, инвариантности и одновременно продуцировать в себе самом различие, особенность, изменчивость» [1, с. 25–26]. В этом смысле язык во всех формах бытования (устная речь, диалекты, литературный язык, индивидуальный язык писателя, жаргон и т.д.) и в выстраиваемой им иерархии концептов в собственной языковой картине мира является пространством бытия и инструментом сохранения культурной памяти.

Концептосфера же является порождением, результатом, воплощением и объектом творческих усилий и преобразований конкретного народа, обладающего ярким и неповторимым национальным лицом. Она содержит в себе особый этнический ген, который и определяет пути развития данной национальной культуры, ее образную

систему, религиозный выбор и языковую окраску речи, как художественной, так и бытовой, как письменной, так и устной – всех языковых проявлений существующей в данный момент культуры.

В работе «Концепты и антиконцепты русской православной цивилизации» автор данной статьи проводит терминологическое разграничение «понятия», «символа», «знака» и «концепта»: «Ахиллесовой пятой концептологии является обозначение различий между понятием, символом, знаком и концептом. Символ универсален (палеолитические Венеры – первый в истории антропосоциокультурогенеза символ – плодородие), или же обладает большой степенью всеобщности (Распятие символично для представителей всех христианских конфессий. Концепт – проявление национального менталитета, родственного, а не родового начала людей, говорящих на одном языке… Родство концепта с понятием очевидно. Его структура базируется на понятийной основе. Однако, нельзя преуменьшать образную, архетипическую, психоморфологическую стороны концепта. Концепт не является знаком, так как знаки выражают множество «вещей», как значимых, так и незначимых. Более того, знак, по большому счету, – это форма, выражение, концепт – сущность, содержание. Поэтому концепт может, при потребности, выражаться с помощью знака, а может и нет. Антизнака не существует, антиконцепты есть» [2, с. 286–287]. В языке для обозначения антиконцепта существует аксиологически окрашенный антонимический ряд, который заключен в самой морфологии слова. Например, приставка без- (бес-) со значением значением лишенности предполагает ряд концептуальных оппозиций: «дар – бездарность», «дом – бездомность», «плод – бесплодие», «вера – безверие», «путь – беспутность», «человечность – бесчеловечность», «культура – бескультурность» и т.д.

Еще античная философия (а философия и филология Античности шли рука об руку) ставит важный вопрос – что есть имя вещи. В связи с этим характерен спор между Пифагором и Демокритом. Пифагор утверждал, что вещи получают свои наименования, так как данное слово отражает внутреннюю сущность вещи. Неудивительное предположение для мыслителя, видевшего в основании мира число. Демокрит же был убежден, что имена вещей представляют собой лишь результат договоренности людей, находящихся в едином языковом поле. Таким образом, по мнению Демокрита, именно язык создает, как мы сейчас их именуем, картину мира и концептосферу данной национальной культуры.

Мироустройство в сознании человека как родового представителя и как носителя конкретного языка и определенной культуры, в его принадлежности к роду в племенном значении этого понятия, в строительстве мира семьи (домостроение, «домострой») является фактором, определяющим ценностно-нормативные экзистенциальные смыслы личности, ее надежды, цели, индивидуальный выбор (в том числе и речевого стиля общения), представления о счастье. Поэтому изучение опыта наших предков, воплощенного в концептосфере национальной культуры и языковой картине мира данного национального языка в ее становлении и развитии и сложившемся состоянии, является не просто актуальной темой для лингвистического и культурологического исследования, но и вечной темой.

Концептосфера не представляет собой нечто застывшее, статичное. Культура меняется, вместе с ней меняется восприятие ее человеком – картина мира, выражение ее в языке – языковая картина мира. Таким образом осуществляется концептосферная динамика, ее воспроизведение и обновление. Изучение движения концептосферы содержит в себе не только бытийный, но и повседневно бытовой смысл, так как это движение напрямую отражает современные культурные приоритеты и изменения в

менталитете представителей национальной культуры, субъектов языковой целостности сегодня.

Коллективная монография вышеупомянутых авторов Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева «Константы и переменные русской языковой картины мира» посвящена скрупулезному исследованию языковой картины мира, лингвистической концептосферы русской культуры. Авторы производят компаративистское исследование русской языковой концептосферы с концептосферами других нерусскоязычных культур. Упомянутая работа представляет интерес не только для филологической науки, но и для философов и культурологов. Во-первых, исследование Зализняк, Левонтиной и Шмелева имеет лингвокультурологический характер. Во-вторых, большое научное значение данного труда обусловлено свойствами самого языка как системообразующей системы, т.е. такой системы, которая вслед за собой способна формировать другие, упорядочивая неязыковое, а, к примеру, социальное, политическое, естественнонаучное и т.п. пространства.

Представляя собой целостный, живой, динамически развивающийся организм с имманентно присущими ему свойствами и характеристиками, язык быстро реагирует на разнообразные внутренние культурные процессы и инородные влияния. При этом, как уже говорилось, именно язык является хранилищем культурной памяти, в своем развитии кристаллизируя самое важное, архетипически заложенное в культуре, или же выстраданное судьбой и трудом ее создателей.

Генезис языковой картины мира авторы коллективного исследования описывают как детерминанту, движение сцепленных «ключевых концептов», присущих неповторимому языковому и общекультурному восприятию представителей данной национальной культуры: «Языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей (так как дают «ключ» к ее пониманию» [3, с. 12].

Ключевыми концептами, или «лингвоспецифическими словами» авторы монографии считают те лексические образования, для которых «трудно найти лексические аналоги в других языках», но, кроме них, что важно для культурологов, «любые слова, в значение которых входит какая-то важная для данного языка (то есть ключевая) идея» [3, с. 12]. Исследователи подчеркивают некую лингвистическую исключительность, малодоступность подобных слов для людей, говорящих на ином языке.

Если находиться в пространстве филологии и внутри собственной языковой концептосферы, то выводы Левонтиной, Зализняк и Шмелева представляются правомерными и убедительными. Однако, в названной работе речь идет о «словах-концептах», то есть фрагментах языковой картины мира. Однако, не следует забывать, что язык как таковой, язык в лингвистическом смысле – далеко не единственный язык культуры «Образы, символы, знаки, ментальные тонкости в их движении и канонизации воплощаются не только в речи, но и во всем множественном культурном пространстве. Поэтому с точки зрения культурологии, говорить о том, что особенностью концепта является его труднодосягаемость другому языку или труднопереводимость, будет ограничением концептосферы культуры. Речь здесь должна идти об особом понимании феномена в данной культуре, пусть даже он присутствует в иных культурах. Таким для русской культуры является концепт дома, антиконцептом которого является бездомность» [2, с. 288]. Для культурологической науки концепт, будь то слово, изображение, любой знак, или символ – нечто, обладающее особым аксиологическим наполнением, способным вызвать определенный

ценностно-окрашенный представимый образ, или же комплекс образов, если этот концепт способен породить собственную малую концептосферу родственных понятий, являясь ее концептуальным ядром (как в случае с концептом соборности, о чем ниже).

О различиях в понимании культурного концепта в лингвистике и культурологии и о предмете лингвистической концептологии ясно и понятно сказано А.Д. Шмелевым в статье «Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка», ранее опубликованной в журнале «Мир русского слова» (2000, № 4) и помещенной в монографию «Константы и переменные русской языковой картины мира» «вместо предисловия». А.Д. Шмелев пишет: «…Вопрос можно было бы переформулировать так: могут ли лексические единицы русского языка быть ключом к пониманию русского языка? Здесь существенна еще одна оговорка. Речь, разумеется, не идет о понимании русской культуры во всей ее целостности. Так, важной составной частью русской культуры является, например, русский балет, но едва ли анализ семантики русского языка даст нам ключ к пониманию каких-то его существенных характеристик. Речь должна идти о каких-то представлениях о мире, свойственных носителям русского языка и русской культуры и воспринимаемых ими как нечто самоочевидное. Эти представления находят отражение в семантике языковых единиц, так что, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка одновременно сливается с этими представлениями, а будучи свойственными (или хотя бы привычными) всем носителям языка, они являются определяющими для ряда особенностей культуры, пользующейся этим языком» [4, с. 17].

В качестве иллюстрации утверждения А.Д. Шмелева можно привести пример особого бытия концептов *женственности* («вечная женственность» В. Соловьева, А. Блока) и женского начала (В. Соловьев, Н. Бердяев и др.) в русской культуре в целом, в русской классической литературной культуре XIX ст. и в пространстве языковой картины мира русского лингвистического культурного единства. Восприятие души русской культуры как воплощения по сути женской души нашло свое место в устойчивых выражениях, характеризующих русскую культуру как женственную («Русь-матушка», «Киев <м.р.> – мать <ж.р.> городов русских; «О Русь моя – жена моя» у А. Блока).

Шмелевым была высказана очень важная в контексте проблемы определения субъекта концептосферы мысль об особенностях «культуры, пользующейся этим языком». Очень правильная и неслучайная формулировка: не носителей языка, не людей, говорящих на языке, использующих его, а культуры как языкового субъекта. Этим подчеркивается субстанциональность, самостоятельное бытие культуры, творящей язык и находящей в нем свое живое воплощение.

Итак, в лингвистическом смысле концепт является словом с определенным лексическим значением (как и все остальные слова). Особый концептуальный статус ему придает культура, культурный контекст.

В заключение остановимся на нескольких важных концептах концептосферы русской национальной культуры со сложившейся ею языковой картиной мира.

Прежде всего, следует отметить центральный концепт русской православной цивилизации. Речь идет о соборности. Католическая (katolicos), то есть соборная церковь – это лишь наименование. Концептуальное значение понятие соборности получило в русском православии. Под знаком соборности развиваются представления о социальных отношениях (общине, «мире»), о семье («малая соборность»), о родственности братьев и сестер по вере.

Соборность порождает ряд дочерних концептов: *сострадание, соболезнование, сожаление, сочувствие, сопричастность, сорадование*. В мифологическом смысле все они содержат приставку со-, выражающую признак совокупности, то есть единства.

Или же концепт смирения, столь важный для русской православной картины мира. В древнерусском языке «смирение» писалось через Ѣ (ять) и читалось как смерение (от «меры») смеренный человек – тот, кто соблюдал меру в евангельском смысле. Позже произошло лексическое сращение понятий «мера» и «мир». Теперь смиренный человек – тот, кто соблюдает мир, то есть знает меру в отношении с миром.

Мир – также важный концепт русской культуры. Это, с одной стороны проявление соборности (решения «всем миром»), а с другой, – «не воинственное отношение к миру и другим. Таким образом, омонимический ряд «мир как жизненное пространство» и «мир как невоенное, тихое, спокойное время» не случаен, а обусловлен приоритетами русской православной картины мира.

Или же концепт прощения, опирающийся на слово, родственное фонетически и этимологически словам простота, опроститься. Простить, совершить акт прощения – значит избавиться от гнева и гордыни, от всего наносного, то есть стать несложным, простым, опроститься.

Концепт **труда** в картине мира русской культуры имеет также немаловажное значение, что подтверждается многочисленными пословицами и поговорками, где труд – главный персонаж («Терпение и труд все перетрут», «труд – всему голова», «что потрудился, то и поел», «без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «без труда нет добра», «труд человека кормит, а лень портит» и т.д.). Антонимическая оппозиция труда и лени в русской языковой картине мира представляет собой одну из самых ярких аксиологических оппозиций в культурологической цепи концепт – антиконцепт. Так, в южных диалектах существовали разные слова для обозначения различных градаций лени, которые подтверждают, насколько грех праздности не праздновался в картине мира (в том числе языковой) Руси: «Ср. фольклорный текст, записанный в Шушенском районе Краснодарского края. «Лежали под яблонькой *странь, лень* и ***отень*** (курсив мой – А.О.). Странь говорит: «Кто бы эти яблоки рвал и в рот клал». А лень говорит: «Чо бы эти яблоки рвались и в рот клались». А отень говорит: «Как вам и говорить хочется» [5, с. 322]. Одной из версий происхождения собственной фамилии автор статьи «О происхождении фамилии Отин (к вопросу о мотивационной многоплановости некоторых фамилий)» считает ее производную от прозвища *отень* (крайне ленивый человек): «Семантической параллелью может служить современная фамилия Лень…» [5, с. 322].

В данной статье мы лишь коснулись пространства взаимодействия языка и породившей его национальной культуры, исследование которого содержит океан вопросов, предлагаемых науке самой культурой и языковой картиной мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рагозина Т.Э. Историческая память как аберрация исторического сознания / Т.Э. Рагозина // Формы культуры и противоречия современного общества. Международная научная конференция 7 апреля 2019 года. – Выпуск 5. – Донецк, 2019. – С. 21–29.

2. Отина А.Е. Концепты и антиконцепты русской православной цивилизации / А.Е. Отина // Субъективное и объективное в историческом процессе. Материалы международной научной конференции 21 апреля 2017 года. – Донецк: Социально-гуманитарный институт ГОУ ВПО «ДонНТУ», ГОУ ВПО «ДонНУЭТ», 2017. – С. 285–295.

3. Зализняк Анна А. Константы и переменные русской языковой картины мира / Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянских культур, 2012. – С. 17–23.

4. Шмелев А.Д. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка / А.Д. Шмелев // Константы и переменные русской языковой картины мира. – М., Языки славянских культур, 2012. – С. 17–23.

5. Отин Е.С. О происхождении фамилии Отин (к вопросу о мотивационной многоплановости некоторых фамилий) // Е.С. Отин. Избранные работы. – Донецк.: Изд-во Донетчина, 1997. – С. 319–325.

Поступила в редакцию 15.02.2021 г.

**CONCEPTUAL SPHERE OF RUSSIAN CULTURE:
LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS**

A. E. Otina

The article explores the differences in the conceptological approach to the study of the conceptual sphere of national culture that exists in linguistics and cultural studies. The most important concepts of Russian national culture and worldview are analyzed.

***Key words**:* concept, conceptual sphere, name of a thing, linguistic worldview, collegiality.

Отина Анна Евгеньевна.
Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет».
Доцент кафедры философии.
E-mail: otina.anna@mail.ru

Otina Anna Evgenievna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk National Technical University.

Associate Professor of Department of Philosophy.
E-mail: otina.anna@mail.ru